

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

ДЕРЖАВНЫЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ

3. Заступник Земли Русской

Поражаешься той поистине генетической предопределённости, с которой московская линия потомства Александра Невского проводила в жизнь идею независимости от иноземного владычества. Внук его Иван I Калита (около 1288–1340) заставил разрозненные русские княжества уважать Москву, где – умной силой, где – посулами и деньгами, но более всего – ханской властью, с которой умел ладить. “Он понял, что Русь, при всём изнеможении, заключала в себе силы неодолимые, но раздробленные, несогласованные, следовательно, слабые, что она умирала единственно от внутреннего неустройства, от запутанности княжеских отношений, что спасти её от неминуемой гибели могло только единодержавие, которое сосредоточило бы все силы её к одной цели, что для введения единодержавия необходимо было утвердить власть великого князя за одним родом, который мог бы следовать постоянной политике, и укоренить мало-помалу мысль об исключительном праве одной фамилии на достоинство верховное” (Устрялов Н. Г. “Русская история до 1855 г <ода>”, Санкт-Петербург, 1855. С. 156).

Потому Иван Калита, желая сильной родовой власти, сделал всё возможное для того, чтобы титул великого князя перешёл к его сыновьям, а от них – внукам и правнукам. Его княжение и последующие годы были живительным отдыхом для истомлённой Русской земли. В общей сложности четыре десятка лет была “тишина велия”.

Сыновья его Симеон Гордый (1317–1353) и Иван II Красный (1326–1359) – великие князья владимирские и московские – уже позволяли себе защищать свои владения от ордынских набегов, задерживать дань. В свою очередь, внук его Дмитрий Иванович Донской (1350–1389) сделал уже серьёзную попытку сбросить с шеи русского народа степное ярмо. Ему не удалось завоевать полную независимость, но вселить надежду в скорую победу он сумел. И в этой благородной борьбе его активно поддерживала и благословляла Русская Православная Церковь.

В 1359 году умер тридцатитрёхлетний великий князь Иван Иванович, оставив малолетних сыновей и дочерей, старшему из которых, Дмитрию, было только девять лет. Страшно себе представить, что было бы с княжичами, Москвой и Русью, если бы не митрополит Алексий. В одной из грамот Константинопольского Патриарха читаем: “Спустя немного времени скончался ве-

ликий князь московский и всея Руси, который перед своей смертью не только оставил тому митрополиту своего сына, нынешнего великого князя Дмитрия, но и поручил управление и охрану всего княжества, не доверяя никому другому ввиду множества врагов внешних, готовых к нападению со всех сторон, и внутренних, которые завидовали его власти и искали удобного времени захватить его”.

Так и получилось. Воспользовавшись смертью Ивана Красного, суздальский князь Дмитрий Константинович, по праву старшинства в своём роду, взял в Золотой Орде ярлык на великое княжение и сел во Владимире. Москве грозила опасность потерять свои позиции первенства среди русских земель. Её правящая элита – бояре – и, конечно же, митрополит решили противостоять опасности: надо было ехать в Орду.

К тому времени потомки Чингисхана перессорились друг с другом в борьбе за власть. Джанибек, благоволивший Москве, был убит родным сыном Бердибеком. Его, в свою очередь, убил сын Наврус. Он и дал ярлык на княжение Дмитрию Константиновичу. Но Наврус недолго был ханом. Его убил полководец Хидыря. К нему и привезли московские бояре юного Дмитрия Ивановича. Тот дал ярлык на великое княжение несовершеннолетнему князю. Н. И. Костомаров основательно комментирует это событие: “Таким образом, на этот раз уже не лицо московского князя, неспособного по малолетству управлять, а сама Москва как одна из земских единиц приобретала первенствующее значение среди других земель и городов на Руси: прежде её возвышало то, что князь был по воле хана старейшим, а теперь наоборот – малолетний князь делался старейшим именно потому, что был московским князем”.

Но золотоордынская замятня продолжалась: Хидыря был умерщвлён своим сыном, который был вскоре сам убит. Появились две партии, воевавшие друг с другом за первенство. Одну возглавил брат Хидыря Мюрид, объявивший себя ханом, а другую – набиравший силу темник Мамай, поставивший ханом Абдулу. Московские бояре получили ярлыки сразу от двух повелителей.

Мюрид, узнав об этом, разозлился и дал свой ярлык Дмитрию Константиновичу.

Москве это надоело, и она захотела разрешить спор силой: собрала многочисленную рать во главе с 11-летним князем и согнала с престола во Владимире Дмитрия. Но тот, увидев, что его тёзка уехал в Москву, выгнал наместников и вновь занял стол. На следующий, 1363 год Дмитрий опять занял Владимир. Решив, что Москву не пересилить, Дмитрий примирился с юным московским князем и даже в январе 1366 года выдал за него свою дочь Евдокию. И не прогадал, ибо зять вскоре помог ему в борьбе за Нижний Новгород. Польза была и Москве – она становилась всё авторитетнее среди русских северо-восточных земель. К голосу её прислушивались всё чаще. А московский князь извлёк для себя урок: сила ломит силу, даже когда не права. Значит, надо быть сильным. И, может быть, удастся избавиться от “томления бесерменского”.

А пока Дмитрий Иванович с благословения митрополита Алексия стал восстанавливать Москву после жестокого пожара 1365 года. Летописец тогда записал: “Князь великий Дмитрий Иванович сдумаша ставити город камен Москву, да ежи умыслиша, то и створиша. Тое зимы повезоша камение к городу”. Тогда же был построен первый каменный мост через реку Неглинную. Отреставрированная Москва выглядела очень красиво, особенно крепость с каменными башнями. В 1367 году вокруг Кремля были выстроены башни с воротами: Никольскими, Фроловскими (Спасскими), Константино-Еленинскими (уже не существуют – А. П.) и Алексеевскими. Угловая башня напротив Москворецкого моста была названа в честь известного боярина Фёдора Свибла. Крепость, выложенная из камня, придала столице княжества солидный вид. А когда москвичи увидели, что набег на их город литовского князя Ольгерда в следующем году был безуспешным, ибо не смог одолеть за трое суток крепость, то поняли, как она необходима для защиты горожан от врага.

Кремль Дмитрия Донского просуществовал более ста лет, пока его правнук Иван Великий не сделал московскую крепость такой, какой, почти всю, мы видим её сегодня, – красивой.

Нарастающая сила Москвы явно не нравилась ни Новгороду, который не хотел быть в зависимости от неё, ни Рязани со строптивым князем Олегом, ни Твери, чей князь Михаил Александрович помнил гибель своего отца в Зо-

лотой Орде по вине Ивана Калиты. Михаил Тверской считал себя по праву старейшим среди русских князей. Понимая, что одному не одолеть окрепшую Москву, он обратился за помощью к литовскому князю Ольгерду, женатому на его родной сестре Ульяне. Отважный и умный литвин и сам не прочь был взять под свою загребушую руку северо-восточные русские княжества, как он сделал, захватив Киев, как его отец Гедимин ранее присоединил западные княжества – минское, лукомское, друцкое, берестейское... Собрал сильное войско, Ольгерд тайно (тайно) вошёл в московское княжество. Высланная ему навстречу рать была разбита на реке Тростне 21 декабря 1368 года. Вскоре он подошёл к Москве, где затворились в крепости Дмитрий Иванович, брат его двоюродный Владимир Алексеевич, митрополит, бояре и народ. Посады москвичи успели пожечь, чем несказанно удивили Ольгерда. Он не ожидал такой жертвенности. Взять Москву ему не удалось, но грабил и жёг он её так, что люди вспоминали нашествие Батыя, который был менее жестоким.

Естественно, что за разорение московских земель ответили разором смоленских и тверских. Русские уничтожали русских. И так было ещё дважды. Но во второй раз Ольгерду повезло меньше. Нападение было не таким неожиданным. Не взяв даже Волока, 6 декабря 1370 года он подошёл к Москве. Ольгерд опасался удара в спину, ибо знал, что Владимир Андреевич успел собрать своё войско и стоял в Перемышле. Он пожёг посады и окрестные села, постоял неделю под Кремлём и заключил перемирие с московским князем.

Золотая Орда предлагала Михаилу войско, но он боялся возбудить ненависть к себе русских и отказался от помощи, взяв с собой только ханского посла. Он думал, что, показав ярлык на великое княжение в присутствии посла, добьётся подчинения русских князей. Но владимирцы даже не пустили их в город. Посол хана Сарыходжа пригласил Дмитрия Ивановича во Владимир, но московский князь ответил резко: "К ярлыку не еду, на великое княжение не пуцу, а тебе послу цареву путь чист".

Сарыходжа приехал в Москву, где его сытно накормили, напоили, обласкали и дали на дорогу щедрые подарки. Посол уговаривал Дмитрия Ивановича приехать в Орду. Московский князь так и поступил. С богатыми подарками он приехал к Мамаю и так понравился новому хану, что тот уменьшил ханский выход в два раза, надеясь, что Москва будет платить регулярно. Получив ярлык на великое княжение, Дмитрий Иванович выкупил за 10000 рублей серебром Ивана, сына Михаила Тверского, которого удерживали в Орде за долги, и взял к себе в заложники.

В третий же раз, летом 1373 года москвичи встретили литовскую рать уже у Любутска (около Калуги). Войны не было. Заключив перемирие, войска разошлись.

Но неугомонный Михаил Тверской ждал подходящего случая, чтобы отомстить москвичам. И этот случай выпал, как ему казалось. В Тверь сбежали бывший тысяцкий Иван Вельяминов, чью должность упразднил великий князь, и купец по имени Некомат. Михаил ринулся в Литву, но там ему помощь только обещали. Зато в Орде дали снова ярлык на великое княжение.

Обрадованный Михаил объявил Москве войну. В августе 1375 года Дмитрий с союзниками (а к нему пришли князья суздальские, нижегородские, городецкие, смоленский, новосильский, тарусский, оболенский, стародубский, брянский и даже новгородцы, которым Михаил досадовал своими поборами) осадил Тверь. Через месяц Михаил запросил пощады. Дмитрий не стал присоединять Тверское княжество к Москве. Он настоятельно потребовал считать московского князя старейшим, ходить с ним на войну и не принимать от хана великокняжеского достоинства, не претендовать на кашинские земли (отсеклась половина тверской вотчины), вернуть награбленное церковное и частное имущество новгородцам и при нападении татар на Москву или на Тверь быть заедино.

Так Москва превращалась в боевую силу, готовую защищать не только себя, но и все русские земли, предлагая им своё покровительство.

Мамаю не понравился союз, заключённый между двумя авторитетными русскими князьями. Он видел, что Дмитрий Московский стремительно набирает силу, и решил положить этому предел. Летом 1376 года он послал свои тумыны на Рязань, но Дмитрий Иванович неожиданно преградил ему путь, перейдя Оку, и не дал разорить Рязанское княжество. Более того, весной следующего года московский князь, совместно с нижегородским воеводой Дми-

трием Боброком-Волынским совершил наступательный поход и занял Казань, обложив данью земли болгар. Мамай понял, что договор, заключённый русскими князьями в Переяславле-Залесском в 1374–1375 годах на двух съездах, соблюдаемый всеми сторонами (объединение князей против союзника его Михаила Тверского – наглядный пример тому), и к которому он отнёсся вначале легкомысленно, имеет в основе своей опасное антиордынское направление. Требовалась серьёзная подготовка к разгромному карательному походу против Москвы как объединительницы русских земель.

Н. И. Костомаров в очерке “Великий князь Дмитрий Иванович Донской” (“Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей”, книга I, М., “Книга”, 1990) обозначил, ссылаясь на источники, образ князя “неясным”. Он считал, что Дмитрий Иванович был несамостоятельным в своих действиях, ибо как в детстве им руководили бояре, так и в зрелости своей князь слушался советов своих бояр: “. . . Бояре были у него как князья; также завещал он поступать и своим детям”. Московский князь действительно высоко ценил разумные советы и митрополита, и полководцев своих – Владимира Андреевича (Серпуховского), Дмитрия Бренка, Боброка-Волынского. . .

И тут Костомаров делает неожиданный вывод: “От этого невозможно отделить: что из его действий принадлежит собственно ему и что – его боярам. По некоторым чертам можно даже допустить, что он был человек малоспособный, и потому руководимый другими; и этим можно отчасти объяснить те противоречия в его жизни, которые бросаются в глаза, то смешение отваги с нерешительностью, храбрости с трусостью, ума с бестактностью, прямодушия с коварством, что выражается во всей его истории” (стр. 208). Можно понять историка, читавшего Никоновскую летопись, где Дмитрий изображался неуверенным и слабым даже, но мне кажется, читателю будет интересно узнать объяснение этому факту, данное нашим современником, писателем Юрием Лощицем в его книге “Дмитрий Донской”, изданной в 1983 году (М., “Молодая гвардия”): “Но эта слабость Дмитрия сознательно противопоставлена гордости Мамаю, – пишет Ю. Лощиц. – А кроме того, в слабости, в духовной немощи и нищете самосознаваемой, конечно, видели – по законам того же мирозерцания – залог силы. Ибо только слабые обращаются за помощью, гордые же полагаются во всём на себя” (С. 241).

И всё же жизнедеятельность великого князя говорит о другом: о работоспособности великой его. Да и летописцы отмечали необыкновенное трудолюбие Дмитрия Ивановича. А последнее перечёркивает своим действием предположения о нерешительности его, сомнениях, малоспособности. В период с 1363-го по 1380-й не было ни одного года, чтобы Дмитрий со своим войском не участвовал в том или ином походе, в том или ином сражении. А для таких действий нужны иные качества характера: решительность, неутомимость, воля. Поистине, “стражу земли Русския мужеством своим держаша”.

Летом 1377 года в нижегородской земле объявилось войско Арапши (Араб-шаха). Верный своим обязательствам Дмитрий Иванович послал военную помощь нижегородским князьям. Но, уверенные в своей силе, наши воины отнеслись пренебрежительно к врагу и, перепившись у реки с символическим названием Пьяна, были перебиты полностью. Обрадованный Мамай летом следующего года направил пятидесятитысячный отряд мурзы Бегича в карательный поход. Но Дмитрий Иванович, узнав об этом, быстро собрал тридцатипяти тысячное войско, перешёл Оку и, соединившись с рязанцами, разгромил Бегича на реке Воже 11 августа 1378 года.

Редкие исследователи заметили, что московский князь применил здесь впервые военный приём, который принесёт полную победу на поле Куликовом. По совету своих полководцев Владимира Серпуховского и Дмитрия Боброка-Волынского он спрятал засадные полки в лесах на флангах своего войска. И когда русские под напором превосходящих сил противника прогнулись в центре, засадные полки, вырвавшись из леса, ударили вражескому войску в бок и смяли его своим напором. Победа была полной. В битве погиб и сам Бегич, и другие неприятельские полководцы.

Эта первая крупная победа доказала, что непобедимые ордынцы могут бежать от русского оружия. Радость людская была велика, ибо “время отступило от татар”. Поражение Бегича подняло дух русского народа, теперь уже безнаказанно громившего ордынские отряды, врывавшиеся для грабежа в юго-восточные города.

Мамай, который к тому времени объявил себя ханом и мечтал на троне чингизидов обессмертить своё имя воинской славой, конечно же, понимал, что началась битва не на жизнь, а на смерть, и потому стал основательно готовиться к походу на Русь. Он желал денно и ночью “вторым царём Батыем быти и всю Русскую землю пленити”. Ради такого мощного нашествия он заключил союзы с литовским великим князем Ягайло, генуэзцами и, собрав все ордынские племена, включив в своё войско хивинцев, ясов, буртасов, армен, горских евреев и других наёмников, во второй половине июля 1380 года двинулся не торопясь к Дону.

Рязанский князь Олег, вынужденный заботиться о своей земле и потому держаться Мамай, тем не менее, предупредил Дмитрия о грядущем нашествии. Но московский князь уже знал об этом и сам тщательно готовился, собирая общее войско для защиты Отечества. К этому времени очень сильно было желание русских освободиться от владычества ордынцев и унижительной дани. Нестроение, происходящее в столице Золотой Орды, только подвигало к восстанию против угнетателей, хотя боязнь страшных погромов полуторавековой давности тяжёлым камнем оставалась в душе каждого. Но надо было выбирать.

К Дмитрию пришли добровольцы из земель владимирской, московской, нижегородской, суздальской, ростовской, белозёрской, муромской, стародубской, ярославской, псковской, брянской. Москва ожила: шум, смех, бряцанье оружия, ржание коней. Давно не было такого оживления. Желающих постоять за дело русское было много, приходили даже тверичане, новгородцы и рязанцы, хотя дружины их князей не пришли.

К тому времени уже два года как не было в живых предстоятеля Русской Церкви, защитника земли московской митрополита Алексия. Новый кандидат на митрополию — архимандрит Михаил (Митяй) — отправился по желанию Дмитрия в Константинополь на утверждение своего митрополитства. Москва осталась без духовного наставника. И тогда московский князь отправился за благословением на битву в Троицкий монастырь к преподобному Сергию, за которым признавали пророческий дар. Он заслужил всеобщее уважение своим подвижничеством и заступничеством за больных и сирых. Его молитвам, как верили многие, внимали на небесах. Сергей Радонежский не только дал напутствие русским воинам, но и отпустил с князем двух иноков — Александра Пересвета и Родиона Ослябю — в помощь ратному делу.

В августе соединённое войско выступило в путь из Москвы на Коломну. 20 августа епископ коломенский Герасим также напутствовал русские полки на “окаянного сыроядца Мамай, нечистиваго Ягелла и отступника Олега”. В устье Лопасни к войску присоединились полки Владимира Серпуховского и добор московского ополчения. Через неделю войско перешло Оку и двинулось вдоль рязанской земли к Дону. В дороге их догнал гонец от преподобного Сергия. В грамоте своей он писал князю: “Чтоб еси, господине, таки пошел, а поможет ти Бог и Святая Богородица”. Это письменное благословение святого игумена ещё более вдохновило войско на правое дело.

6 сентября русские полки подошли к Дону. Разведка (сторожа) постоянно доносила князю о движении мамаевых полчищ. Третья сторожа, во главе которой стоял смелый воевода Степан Мелик, привела “языка” от “двора царева”. Мамай уже расположился в урочище Кузмина гать и дожидался прихода литовских и рязанских войск.

После долгих сомнений русские решили переправиться через Дон и занять лежащее за рекой между лесами Куликово поле, преградив, таким образом, путь войскам Мамай. Основным аргументом для такого решения послужили слова литовских князей, сыновей Ольгерда Андрея и Дмитрия: “Если останемся здесь, то слабо будет войско русское, а перейдём через Дон, так все будут биться мужественно, не надеясь спастись бегством; одолеем татар — будет тебе, князь, и всем нам слава, а если они перебьют нас, то все умрем одной смертью”. На что великий князь ответил: “Любезные друзья и братья! Ведайте, что я пришёл сюда не затем, чтобы на Олега смотреть или стеречь реку Дон, но с тем, дабы русскую землю от разорения и пленения избавить или голову свою сложить. Честная смерть лучше плохого живота (жизни). — **А. П.**). Лучше бы мне не идти против безбожных татар, нежели пришёл и, ничто не сотворив, воротиться вспять. Ныне же пойдём за Дон и там или победим, или поляжем за святые церкви, за православную веру и за братью нашу Христову”.

На следующий день Дмитрий Иванович приказал наводить мосты через Дон, искать броды, а 8 сентября, в субботу, ранним утром ратники уже были на той стороне и воинским порядком двигались к Непрядве. День начинался туманно, но к десяти часам дня туман рассеялся, и развиднелось. Русские войска успели построиться в боевые порядки между реками Доном и Непрядвой.

Расположение их было таково: полк правой руки под командованием Андрея Ольгердовича встал у речки Дубика; полк левой руки, которым начальствовали князья Белозёрские, разместились у речки Смолки; большой полк, который возглавил храбрый боярин Вельяминов, — известно, что его составляли отборные воины, — разместились в центре. За ним встал полк литовского князя Дмитрия Ольгердовича. Братья не любили своего ближнего родственника Ягайло и потому пришли на помощь Дмитрию Ивановичу со своими добрыми бойцами. А впереди большого полка разместились пеший передовой полк, которому предстояло начать битву. Его возглавили братья Всеволодовичи. Рядом с ним встал конный сторожевой отряд Мелика, состоявший из отчаянных храбрецов. Засадный полк — карающий меч победы — составлялся из отборных всадников. Эта конница была под началом двух выдающихся полководцев: двоюродного брата великого князя Владимира Андреевича и Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского.

Перед русскими воинами вёрст на десять расстилалась ширь Куликова поля.

Во второй половине дня там, на горизонте, появилась ордынская конница, медленно стекавшая с вершины Красного холма. Противник застыл в ожидании распоряжений.

Ставка хана Мамай расположилась на крутой горе. Предводитель Орды не терял надежды на соединение с Ягайлой и Олегом Рязанским. Именно этого остерегался московский князь, потому, объехав на коне воинские порядки и настроив русичей на победу, он, сменив княжеские доспехи на одежду простого воина, вместе со сторожевым полком начал движение к передовым отрядам ордынцев. Первые схватились два богатыря: русский дружинник Пересвет и татарский воин Челубей. И оба упали замертво. Завязалось сражение. Разбитый авангард был подкреплён новыми татарскими силами. Противник стал ввязываться в бой, что и требовалось по начальной задумке Дмитрия Ивановича.

Когда Мамаевы полчища облегли степь и стали надвигаться на русские полки подобно грозовой туче, новобранцев охватила тревога и неуверенность. Летописец заметил: “Московцы же мнози небывальни, видевши множество рати татарской, усташася и живота отчаявшеся, а иanei на беги обратишася” (“Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины”. Сборник. Под редакцией Б. А. Рыбакова, М., Изд-во МГУ, 1983). Татары ринулись за бегущими и били их без пощады. Московская дружина была разбита, знамя великокняжеское подрублено, пал Михаил Бренок. Воевода Вельяминов с владимирскими и суздальскими дружинами с трудом сдерживали напор врага. Татары уже были готовы отбросить наши полки к Непрядве и растерзать их в оврагах. “Дело русских казалось проигранным, но к трём часам пополудни всё изменилось” (Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 223).

В зелёной дубраве на вершинах деревьев сидели воины, и как только они заметили, что ордынцы хлынули мимо них в центр сражения, подали знак воеводам. И тогда, как копьё возмездия, ударила в бок и в спину мамаевской рати отборная засадная конница, исполняя талантливый замысел боя. Ордынцы, только что бывшие в предвкушении окончательной победы, почувствовали себя беззащитными и сразу же повернули вспять. Отступавшие русские воины развернулись и ударили на них. И татары побежали! Вначале к Красному холму, к своему хану, а потом вдогонку за ним. Мамай, видя своё поражение, воскликнул: “Велик Бог христианской земли!” — и помчался, сменяя коней, искать спасения.

Русская конница преследовала бегущих вёрст пятьдесят — до Красивой Мечи. Спаслись только те, кто, как Мамай, имел запасных коней. Такого превосходства в битве над опасным и умелым врагом русское войско ещё не знало. Владимир Андреевич, став под черным знаменем, велел трубить победу.

Великого князя никто не видел. Князь серпуховской велел искать его. Наконец, кто-то нашёл Дмитрия Ивановича под израненной берёзой в иссечен-

ных ударами доспехах, в бесчувственном состоянии. К счастью, от криков победителей он вскоре очнулся. Контуженный в голову, он и в таком состоянии был молод и красив. Летописец оставил нам словесный портрет Дмитрия: “беаше же сам крепок зело и мужествен, и телом велик и широк, и плечист, и чреват вельми, и тяжек собою зело; брадою же и власы черн, взором же дивен зело”. Представляю, какую радостью сияли взоры его, когда он узнал о великой победе в одной из самых крупных битв Средневековья! И радости воинов не было границ.

Когда же подсчитали погибших, то и печаль была великая, безграничная: оказалось их больше половины из пришедших на поле Куликово. Дмитрий велел собрать тела павших и отвезти в Москву для почётных похорон.

Великий литовский князь Ягайло, находившийся на расстоянии одного перехода от сражения, узнав о поражении своего союзника, стремительно развернулся и ушёл в свои пределы. Олег Рязанский не показался на поле боя. Может быть, так и было задумано! Хотя именно он через два года поведёт войска нового хана Тохтамыша, соперника Мамая, которого впоследствии в Крыму отравили геноуэцы, на Москву вместе с князьями нижегородскими.

Значение Куликовской битвы непреходяще для национального сознания русских. По слову писателя, на Куликово поле пришли разные племена, а ушли с него одним народом. Возможно, что именно там, в крови и страданиях, рождалась (как и всё, что рождается своевременно) великорусская народность. Но всё же я думаю, на поле Куликовом племена русские вспомнили, что они были одним народом, в них неожиданно и предельно ясно всколыхнулась историческая память. Им снова захотелось в новых, труднейших временах стать могучим народом, вольным и независимым, который, если его заденут, мог приколотить свой щит к воротам Царьграда.

Возможно, правы историки Н. И. Костомаров и Н. Г. Устрялов, упрекавшие героя Куликовской битвы в том, что он после победы над ордынцами “не брал никаких мер к их истреблению” (Костомаров). Устрялов был более откровенен: “Для избавления Руси от неволи надобно было разорить вконец улусы Сарайские, чтобы искоренить гнездившуюся там мысль о праве потомков Чингисхана на господство в нашем отечестве”. Но и они понимали, что за победу была заплачена дорогая цена, что подняться для нового похода будет невозможно ещё долго.

Торжество победы было так ощутимо, а скорбь о погибших так велика, что великий князь Московский не заметил настойчивости Тохтамыша. Тот, разбив Маюя на берегах Калки, печально знаменитости для русских, и став ханом Золотой Орды, послал доброжелательное посольство в Москву. Дмитрий, уверенный в том, что победа освободила от всяких обязательств его предков перед потомками Чингисхана, не выразил никакого желания поддерживать отношения слуги с господином. На следующий год хан отправил царевича Акхозю с требованием покорности и уплаты дани. Но царевич испугался ехать в Москву, ограничившись посещением Нижнего Новгорода. Разгневанный Тохтамыш решил силой добиться своих прав на русский улус и покарать излишне горделивых москвичей.

Стремительно переправившись через Волгу, Тохтамыш вошёл в нижегородскую землю, князь которой в знак покорности послал своих сыновей Василия и Семёна, братьев жены Дмитрия Донского. А на границе рязанской земли уже стоял Олег, предложивший быть проводником хана. Он так повёл войско, что обезопасил свою землю, но погубил Серпухов и Москву.

Дмитрий Донской, видимо, не думал о карательном походе хана, потому что и не был готов к этому набегу. Он срочно выехал из Москвы искать союзников и собирать войско. Так же поступил и его двоюродный брат Владимир Андреевич. Москва сожгла свои посады и затворилась. Трое суток безуспешно ордынцы штурмовали московскую крепость. Воины и жители защищались доблестно. На четвёртый день, при помощи хитрости и уверений нижегородских князей в честности хана, ордынцы добились того, что Москва открыла свои ворота. Князь Остей, внук Ольгерда, руководивший обороной города, был убит, растерзано и посольство, а город был разграблен и сожжён. 24 тысячи доверчивых горожан и беженцев были немилосердно убиты.

Некому было ни отпевать мёртвых, ни оплакивать их, ни звонить по ним в колокола. Татары рассыпались во всей земле московской: к Можайску и Дмитрову, Звенигороду и Боровску... Ордынцы убивали одних жителей,

а других гнали в плен. И так могло продолжаться долго, но отважный Владимир Андреевич разгромил один из крупных отрядов ордынских и освободил пленных. Тохтамыш не стал рисковать и вернулся восвояси. Вернулся и Дмитрий, чтобы похоронить убитых.

Видя унижение Москвы, князя нижегородские и тверские поехали к Тохтамышу просить великого княжения. Пришлось Дмитрию послать своего сына Василия в Сарай, чтобы хан Владимирское княжество оставил за Москвой. А вскоре, в 1385 году он заключил с Рязанью союз против хана. Потом возвратил под своё влияние Новгород, усилил свои позиции в Твери и Нижнем Новгороде. Таким образом, он снова возглавил антиордынский союз русских земель. Вместе с тем, он не забывал расширять территорию собственно Московского княжества. Обстоятельства складывались так, что Тохтамыш начал враждовать со своим покровителем, великим и жестоким полководцем эмиром Тамерланом. Последний совершил три похода на Тохтамыш (в 1389-м, 1391-м и 1394–1395-м годах) и трижды разбил его. Этими мощными ударами могущество Золотой Орды было подорвано. Но, к сожалению, в самый пик подготовки к новой схватке с Ордой, 19 мая 1389 года великий князь Владимирский и Московский умер в возрасте 39 лет, из коих тридцать лет он был великим князем.

Очень сильно охарактеризовал жизнедеятельность Дмитрия Ивановича выдающийся историк С. Ф. Платонов: “Приняв на себя татарский натиск, Дмитрий явился добрым страдальцем за всю землю Русскую, а отразив этот натиск, он явил такую мощь, которая ставила его естественно во главе всего народа, выше всех других князей. К нему как к своему единому государю потянулся весь народ. Москва стала очевидным для всех центром народного объединения, и московским князьям оставалось только пользоваться плодами политики Донского и собирать в одно целое шедшие в их руки земли” (“Лекции по русской истории”. Т. 1. С-Пб, 1993).

(Продолжение следует)